

Михаил Парфенов

Нужное время. рассказы

Михаил Парфенов

Нужное время. рассказы

«Издательские решения»

Парфенов М.

Нужное время. рассказы / М. Парфенов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-742757-3

В данный сборник вошли ранние рассказы Михаила Парфенова, автора бестселлеров «Последний защитник Брестской крепости», «Убей или умри!», «Оскал Тигра».

ISBN 978-5-44-742757-3

© Парфенов М.
© Издательские решения

Содержание

Мертвец	6
Вечер в кафе	10
Любовь	13
Парочка желаний	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

**Нужное время
рассказы
Михаил Парфенов**

© Михаил Парфенов, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Мертвец

В парке на одной из многочисленных лавочек сидел старик. Был тот прохладный, ветреный, осенний день из тех, когда ветер уже напрочь выдул зеленый цвет с улиц, оставив грязно – желтые, унылые тона. Тянуло дымом от костра, видимо где-то жгли пожухлые листья. Мимо иногда проходили одинокие прохожие, закутавшиеся в теплые куртки и плащи. Народу на улице было немного, большинство находилось на работах. Многие, наверное, валялись по домам с простудой, которая весело разгуливая по городу, и укладывала в постели всех решивших пренебречь теплой одеждой. Обычно многочисленные в парке старухи тоже видимо отсиживались по своим маленьким уютным комнатушкам. Мимо лавочки неторопливо прошли две молодые мамы с колясками, затянутые в шарфы, о чем – то оживленно беседуя. Протопал беззаботный школьник, разбрызгивая ногами кучки листьев, и мурлыкая одному ему понятную песенку.

Старик сидел, положив сухие коричневые руки на трость с отполированной до блеска кривой ручкой. Одет он был в военного покроя плащ, теплые шерстяные брюки, и старомодные нечищенные ботинки. Голова его была совершенно седа. Лицо, испещренное сетью морщин, казалось сосредоточенным и неподвижным. Лишь иногда по нему перемещались желваки. Старческие мутноватые глаза смотрели в одну точку. По щеке, заблудившись в морщинах, медленно ползла слеза. Старик вспоминал. Он не обращал внимания ни на болтливых мамаш, ни на шумного школьника, ни на пронизывающий холодный ветер. Он был далеко от этого парка; он был очень далеко отсюда.

Стоял такой же осенний день 1939 года. Молодой лейтенант Красной Армии – орденосец шел по этому парку, недавно засаженному молодыми стройными деревцами, чеканя шаг новыми хромовыми сапогами. На нем ладно сидела серая мохнатая шинель, а коричневая хрустящая португеза перетягивала его мужественную спину. При ходьбе по боку похлопывала тяжелая кобура. В одной руке он держал потрепанный чемоданчик с металлическими уголками, а в другой – маленький букетик, завернутый в газету. На мужественном лице лейтенанта цвела ослепительная улыбка. Молодые мамы, гулявшие с младенцами в парке, с интересом провожали этакое стройного красавца. Мальчишки завистливо глядели ему вслед. Даже ветер немного поутих, видя, что ему никак не задержать лейтенанта Красной Армии.

Лейтенант подходил к большому кирпичному дому. У ворот стоял, оперевшись о метлу, щетинистый дворник в замызганном фартуке, и беседовал о чем-то с толстой старухой в ватнике и сером платке, завязанном крест – накрест на груди. Парочка детишек одетых в смешные клетчатые пальтишки игралась в песочнице. Через двор были натянуты веревки, на них сушились полотенца, и грузно хлопали тяжелые желтоватые пододеяльники. Около подъезда, словно огромный степенный жук, стоял новенький черный легковой ЗиС 101. Его безупречный вид нарушал лишь желтый лист, прилипший к блестящему капоту. За рулем сидел молодой *водитель* в штатском.

У парадного лейтенант задержался. Он встал на крылечке, неторопливо поставил чемодан на землю, бережно водрузил на него букетик, и что бы не сдуло ветром, заткнул его за ручку, обитую деревом и выбеленную множеством прикосновений. Потом привычным движением, зацепив большими пальцами кожаные ремни, поправил португезу. После глубоко со вкусом вдохнул осенний воздух, и весело оглядел двор. С тех пор как он уехал, почти ничего не изменилось. Разве только голубятня в глубине двора, притаившаяся за старым вязом, выглядела постаревшей и обветшалой, да еще когда-то огромная куча угля у котельной, в которой мальчишки любили копаться, и были вечно похожи на негрятят, стала заметно меньше.

Лейтенант растягивал удовольствие. Он бесчисленное множество раз представлял этот момент. Теперь же он смаковал его,пил маленькими глоточками. Сейчас он поднимется на третий этаж, и стук его сапог гулким эхом разнесется по лестнице. Потом остановится напротив квартиры 28, три раза крутанет язычок медного звонка, как предписано детским почерком сбоку на табличке, за дверью зацокают каблучки, и о, сладостный миг! Он увидит Ее.

Он улыбнулся, подобрал вещи, и повернулся к подъезду.

Дверь распахнулась, и из темноты навстречу лейтенанту вышел худощавый мужчина с неприятным лицом в черном кожаном плаще и фетровой шляпе. Под плащом угадывалась военная форма. Лейтенант остановился в двух шагах от парадного. Мужчина тоже остановился и посмотрел на лейтенанта. Его взгляд был колюч и грозен. В нем читались неприятности, доставшиеся тут же каждому, кто посмел бы поступить против воли этого человека. Лейтенанту вдруг захотелось отвести глаза. Но он собрался с духом, и не опустил взгляда. Он сразу понял *кто* этот человек и *откуда*. Ему, боевому офицеру, были не понаслышке известны люди из *этого* управления. Злобные, жестокие животные, самоутверждающиеся за счет унижения других. Получающие почти сексуальное удовольствие от пыток и истязаний. Особая каста, ужасное порождение тяжелого времени. Презирующие и рвущие на куски даже своих.

Тут из—за спины мужчины появились двое *верзил* в штатском. У лейтенанта замерло сердце. И еще, будто ледяной кулак с силой сжал внутренности. Он увидел Ее. Эти двое вели Ее под руки. Лицо девушки было неестественно бледным, в нем не осталось ни кровинки. Голубые глаза были широко раскрыты. *Такими* Ее глаза он никогда не видел прежде. Страх парализовал девушку настолько, что этим двоим приходилось Ее практически волоочь. И еще лейтенант заметил в руке у одного из *конвоиров* объемный узел. Это была *их* скатерть. Они часто собирались на кухне за большим дубовым столом, Ее мать покрывала стол этой скатертью, и они вместе допоздна гоняли чай. Такая обыкновенная белая скатерть в бледно-розовую клетку. Мать обменяла эту скатерть на базаре за полфунта сахара. Они еще тогда смеялись. «Зачем, мол, скатерть, если за ней и чаю не с чем попить». Теперь лейтенант смотрел на этот белый ком. В узле проступали очертания книг, на нем был виден след от сапога и кажется пятнышко крови.

Она посмотрела на лейтенанта, и он понял, что, несмотря на состояние близкое к обмороку, девушка его узнала. В глазах теперь читалась боль. Рот Ее искажился в безмолвном крике. Лейтенант и не подозревал, что Она может быть такой некрасивой. *Конвоиры* потащили девушку к машине. Лейтенант сделал шаг в Ее сторону, но мужчина в черном плаще преградил ему путь.

— Какие-то вопросы, лейтенант?

— Н — нет.

— Вот и ступайте. Ступайте! — И этот жесткий взгляд опять полоснул прямо по сердцу. Лейтенант отвел-таки глаза.

Он оглядел двор. Все было как обычно. Будто бы ничего не произошло. Дворник и старуха о чем-то шептались, исподтишка поглядывая в сторону машины. Детишки копались в песочнице, как ни в чем не бывало. Равномерно и самодовольно урчал двигатель. Лейтенант повернулся и направился к подъезду. Плечи его опустились. Чемоданчик вдруг налился свинцом. Он сделал еще шаг, задержался. Медленно повернул голову. *Они* затаскивали Ее в машину. Она молчала. И только смотрела на лейтенанта. Ей было безразлично, что один из *конвоиров* выкручивает Ей руки. Она улыбнулась и кивнула лейтенанту. Улыбка получилась слабой, еле заметной, но это была Ее улыбка. Он грустно улыбнулся, и кивнул в ответ.

— Эйн момент! — *Они* настолько были увлечены *работой*, что одновременно вздрогнули, услышав этот окрик, эхом отдавшийся во дворе. Эхо долго блуждало, ударяясь о кирпичные стены, пока не затерялось среди верхушек деревьев. *Старший*, уже садившийся было в ЗиС,

оглянулся. Лейтенант стоял, широко расставив ноги, и смотрел весело и бесстрашно. В глазах его горели озорные искорки. Он широко улыбался. Теперь *все* смотрели на лейтенанта на миг замерев. Во дворе повисла тишина. Лишь тархтел мотор, да ветер колыхал сушившееся белье и полы новенькой шинели.

– Эйн момент. – Произнес лейтенант уже тихо, разжал правую руку, и отпустил чемодан. *Старший* следил взглядом за чертовски медленным падением чемодана, а когда тот, наконец, цокнув металлическими уголками, грохнулся об асфальт, поднял глаза. Лейтенант стоял в той же позе, но в правой руке его блестел восьмизарядный ТТ. *Старший* удивленно отрыл рот. Незажженная папироса повисла на губе, помедлила мгновение, и соскользнула вниз. Лейтенант видел метаморфозы, которые происходили с лицом этого *монстра* в кожаном плаще. Он видел испуг на этом уродливом лице. Он наслаждался. Ему стало легко и смешно.

– Вот так-то, – ухмыльнулся он, и начал стрелять...

Первая пуля угодила *старшему* прямо между глаз. Он даже не попытался увернуться. Выстрел отбросил его назад. Он упал на спину, раскинув ноги. Левая нога его несколько раз конвульсивно дернулась, и он затих. Черная фетровая шляпа, показав обшитые белой подкладкой внутренности, и очертив несколько замысловатых кругов, закатилась под машину. *Конвоиры* обладали более быстрой реакцией, и успели выскочить. Один даже полез во внутренний карман пиджака за оружием. Но они были *убийцами*, они пытали и убивали связанных, беспомощных людей. А перед ними стоял боевой командир, закаленный и прошедший хорошую школу в Испании воин. ТТ – грозная штука в опытных руках. Вторая пуля попала одному *верзиле* в живот. Он согнулся пополам, и, охнув, начал опадать. Лейтенант переместил руку левее, и выстрелил два раза в другого. Тот замахал руками, резко вздохнул, грузно начал заваливаться на спину. Пиджак его распахнулся, и на белой рубашке прямо на нагрудном кармане расцвело чернильное пятно. Словно у него потекла перьевая ручка. С ним было покончено. Лейтенант сделал шаг в сторону, фиксируя взглядом *водителя*, который сидел за рулем с выпученными глазами в состоянии полного ступора. Раненый *верзила* лежал на боку, на асфальте, сучил ногами, и стонал. Под ним растекалась темная лужа. Лейтенант прицелился, и послал две пули в его череп. Раздался неприятный хруст. Одна угодила в глаз, другая в челюсть. Последняя пара пуль пробила лобовое стекло, а заодно и грудину *водителя*, приковав его навсегда к водительскому сиденью. Затворная рама последний раз отошла назад, и замерла.

На асфальте остывало восемь гильз. В левой руке лейтенант по-прежнему сжимал букет цветов.

Все произошло в считанные мгновения. Во дворе стояла такая же тишина, как и перед стрельбой. Остро пахло пороховой гарью. Было слышно только, как хлопает под напором ветра белье на веревках, да урчит осиротевший автомобиль. Лейтенант подошел к машине. Она сидела на заднем сидении, прижимая к груди клетчатый узел. Из глаз Ее катились слезы. Он сказал девушке что-то и протянул руку. Она не расслышала, в ушах гудело после пальбы. Он улыбнулся, и повторил. Она едва расслышала: «пойдем». Попыталась улыбнуться, протянула руку ему навстречу. В ворота медленно въезжал грузовик, набитый вооруженными солдатами. И только тогда дико закричала старуха.

– Эйн момент! – Услышал лейтенант. Из подъезда выскочил коренастый мужичок в ватнике и огромных валенках.

Видно было, что он запыхался, спускаясь по лестнице. В руке он держал стопку книг, наскоро перевязанную грубой бечевкой.

– Забыли! Товарищ капитан, книжечки забыли!

– Спасибо. – *Старший* брезгливо принял от услужливого мужичка стопку книг, бросил их на сиденье, сел сам, пристально посмотрел на лейтенанта, ухмыльнулся, и с силой захлопнул дверцу.

– Трогай!

Машина, окутав реальность клубами дыма, унеслась прочь со двора. Лейтенанту показалось, что он в последний момент увидел Ее лицо. Кажется, она улыбнулась. Он повернулся и, сутулясь, направился к подъезду.

Потом было многое: война, жестокие бои под Москвой, контузия, страшные месяцы плена, голод, побег, не менее страшные годы лагерей, болезнь, одинокая жизнь на свободе. Но главное, старик понимал, что он не должен сидеть вот так здесь, он должен был остаться там, спасти Ее и умереть с Ней в тот день, в тридцать девятом. Все, что было *после*, уже не имело никакого значения. Он жестоко наказан за то, чего не сделал *тогда*. Все эти последующие годы он уже был *мертв*. Для чего же он еще живет? Старик сидел на лавочке, и пытался плакать, но лишь одна слеза блуждала по щеке, теряясь в морщинах. Было уже темно. В окнах зажигался свет, люди торопились домой к семьям, а старик все сидел. Ветер трепал его седую шевелюру. Заканчивался еще один пасмурный осенний день.

Вечер в кафе

Уютное, маленькое, скромное, ничем особенно не выделяющееся кафе в центре Москвы, каких много. Оно располагается на первом этаже жилого четырехэтажного дома довоенной постройки. Кафе беспомощно зажато между изящным ювелирным магазинчиком и дорогим помпезным рестораном с замысловатым названием. На двери колокольчик, тоненько позванивая, сообщает о новом посетителе. Небольшой зал столов на девять – десять. Меню здесь хорошее, а цены приемлемые. Негромко, что очень важно, играет музыка.

За барной стойкой миловидная блондинистая девица пытается что-то подсчитать и записать в громадную тетрадь. Ее волосы аккуратно завязаны в хвостик. От излишнего умственного напряжения ее лобик забавно морщится. У нее массивные под золото серьги и ярко накрашенные губы. За спиной девицы громоздится огромный зеркальный стенд, заставленный пузатыми важными бутылками. Их бока старательно обклеены пестрыми этикетками. Из кухни доносятся приятные запахи и звон посуды.

На бежевых стенах висят картины, написанные в абстрактном стиле. Создается впечатление, что их автором был маляр, красивший эти стены. Брызнул краски на бумагу – и готово. Но в целом выглядит гармонично и, на мой взгляд, неплохо. Народу в зале немного. Время обеда давно прошло, а пора вечерних посиделок еще не наступила. Я сижу в углу у окна, и могу разглядеть всех посетителей. За окном, похожем на огромный аквариум, ранняя весна, слякоть, и угасающий прохладный день. Мимо проплывают прохожие. В кафе, напротив же, тепло, уютно, и не хочется никуда уходить. Я только что перекусил, а теперь наслаждаюсь кружкой холодного пива и сигареткой. У меня еще есть время. Настроение у меня благостное.

Сбоку от меня расположились две девчушки лет наверное восемнадцати, хотя при множестве косметики на их мордашках, определить возраст трудно. Одеты они почти одинаково. Светлые кофточки, синие обтягивающие молодые крепкие бедра джинсы, черные сапоги на высоченных каблуках. В глаза бросается обилие стройных ног, не помещающихся под столиком. Та, на шее у которой, якобы непринужденно, повязан розовый шарфик, посимпатичнее. Обе пьют кофе и много курят. Несмотря на видимо животрепещущую беседу, они периодически оглядывают зал на предмет мужского внимания. Пару раз мы пересекались взглядами, и после недолгого шушуканья между девчушками, я понимаю, что хотя и не единогласно, но в потенциальные кавалеры зачислен. Это приятно. По обрывкам разговора выясняю, что речь идет о прошедшей вечеринке. То и дело мелькают какие-то имена и прозвища. Особенно часто вспоминается некий Макс, видимо местный, не поделенный еще девчушками, плейбой, и какая-то Танька, естественно «жуткая стерва» и конкурентка в борьбе за любвеобильного Макса. Сразу становится немного завидно. «Шарфик» зовут Катькой, а другую – Ленкой.

Нет, «Шарфик» определенно ничего! Тут у нее полифонично звонит мобильник, она произносит «а-аллэ!», и начинает кокетничать. Ленка, какое-то время скучает, дымя сигаретой, вертит головкой по сторонам, но потом достает из сумочки свой телефончик, выбирает из списка какой-то номер, звонит, и начинает кокетничать тоже.

Передо мной собралась кампания из трех крупных мужчин. Им лет за сорок или под пятьдесят, а по виду это, наверное, бывшие инженеры, пытающиеся освоить какой-то бизнес на склоне лет. Столик их заставлен тарелками с остатками подзасохшей уже закуски, полупу-

стыми кружками с выдохшимся пивом, и рюмками водки. Одеты они в недорогие костюмы. На вешалке скучают две темные куртки из искусственной кожи, серое пальто, и болтаются кепки.

Они коллеги. С жаром обсуждаются текущие дела. Лица покраснелись. Тот, который в данный момент ораторствует, навис над столом, пытаясь запачкать лацканы и рукава темно-коричневого пиджака остатками закуски, периодически хлопает мощным кулаком по столу, подкрепляя этим сказанное. Его загорелая лысина покрыта капельками пота. Он в пылу страсти иногда сучит ногами, и задевает под столом старенький портфель, из которого выглядывает номер «московского комсомольца». Носки у него шерстяные и полосатые.

Двое других пытаются постичь смысл сказанного. Лица их сосредоточены, а брови строго сдвинуты. Если бы не пьяненькие замутненные глазки, то из них можно было бы смело ваять памятник мужественности. Тот, что слева, лопухий, пытается вставить свое веское слово в тираду «Оратора» и открывает рот как рыба, пытаясь своей ладонью поймать подкрепляющий речь кулак. Он ерзает на стуле. Судя по всему, слово вставить ему не удастся, и он вскоре потеряет мысль. «Оратор» меняет тембр с грозного рычания до зловещего шепота и обратно. Я восхищаюсь его фиоритурами. До меня доносится:

– Я ему говорил, б...? Я его предупреждал, ёп? А что теперь?! Я тебя спрашиваю! Что теперь?! – «Оратор» сует указательный палец под нос третьему, и самому поддатому. Тот пьяно кивает, роняя мощный подбородок на грудь, и рывком возвращает уже седую голову на место, пытаясь обратно сфокусировать взгляд на собеседнике.

– И вот теперь он у меня запоем!! — «Оратор» кургузым пальцем тычет в стол, как бы давя на нем муравьев. Зловещее шепота я еще не слышал.

– Он. У. Меня. Запоем. – Чеканит «Оратор». Я, кстати, охотно верю, что запоем.

Он замолкает, откидывается на стуле, сцепляет на пивном животе руки, чуть склоняет вправо голову, и наслаждается произведенным эффектом. Сейчас он похож на довольного профессора. Эффект так себе. «Поддатый» совсем поскукшел, и вяло ковыряет вилкой в остатках закуски, методично пытаясь отправить их в рот, и роняя обратно на тарелку. Возникает пауза.

«Лопухий» замирает с открытым ртом, и вдруг осознает, что путь свободен, а мысль его еще не потеряна. Он набирает в легкие воздуха, всплескивает руками, и с подкупающей надеждой в голосе выдает:

– Может еще по пятьдесят? А?

Коллеги оживают, начинают фальшиво и недолго сопротивляться. «Лопухий», ссутулясь, бежит к «Девнице» за стойкой, на ходу доставая кошелек.

Рядышком приютился кавказского вида мужчина. Он может быть кем угодно. Водителем – бомбилей, продавцом цветов, наемным убийцей, хозяином маленькой овощной палатки, прорабом, безработным. Он небрит и сосредоточен. «Горец» зашел сюда исключительно поесть. Он горд и при этом жутко голоден. Прямая спина, темные волосы, характерный нос и золотой зуб, а так же черная кожаная куртка уподобляют его выходцам из анекдотов про кавказцев. Жалко, что у него нет кепки. А нет! Вон она – лежит под левой рукой. «Горец» жадно ест сочный чебурек и запивает его томатным соком. Спиртного ни-ни! Видимо он без регистрации. Он голоден настолько, что равнодушен даже к девчушкам.

Это бизнесмен. Он всем своим видом хочет показать, что он – бизнесмен. И попал сюда совершенно случайно. «... каприз художника. Джентльмен в поисках десятки». Одет он действительно неброско дорого. Мне, кстати, нравится его кашемировое пальто.

И мне совершенно не нравится его лощеное, при этом опухшее лицо. Мне кажется, он слегка подшафе.

Под звон колокольчика он «взошел» в зал и тут же возвысился над всеми. «Девицу» он пытается достать своими претензиями к скудному меню и отвратительному обслуживанию. «Девушка» такого уже повидала и держится молодцом. Брезгливо усевшись за столик в ожидании заказа, он оглядывает зал. При виде тех троих «Бизнесмен» демонстративно морщится, и лицо его становится похоже на бесплатный скомканный пакет из супермаркета. Мой же вид его настораживает. «Горца» он не замечает принципиально, а девчушек...

А его лицо при взгляде на девчушек выдает на гора такой комплект эмоций, что я «Бизнесмена» немного начинаю уважать. Сначала ленивый, вдоль зала скользящий взгляд, потом легкая настороженная заинтересованность (левая бровь вверх). Поочередное сканирование обеих особей снизу вверх (на «Шарфике» чуть дольше), задерживающееся на различных их достоинствах, сменившееся признанием оных (правая бровь вверх). Дальнейшее вытягивание лица и беззвучное «оу!», правда, без банального причмокивания языком, следом что-то похожее на собачью стойку, а потом полнейшая апатия к объектам, ввиду вспоминания им, что «они не его барского поля ягоды» (брови вниз).

Ест он какой-то натюрморт на большом блюде, запивая его бокалом красного вина. Пытается делать это надменно. Трапезу прерывает разговорами по мобильному. Причем чаще звонит он.

А потом сладко звякает колокольчик, дверь открывается, и наконец-то входит моя ненаглядная. Стоит улыбается мне, потом смущенно показывает на часы, и разводит, как бы извиняясь, руки. Я улыбаюсь в ответ, и начинаю собираться. Краем глаза отмечаю, как все посетители отозвались на ее появление. Троица, как по команде откинув торсы назад, пытается занять непринужденные позы, и старается залихватски ухмыляться. Они, наверное, думают, что именно так должны выглядеть настоящие кавалеры. Причем, «Поддатый» смотрит только одним глазом, второй же неизбежно прищурен.

Девчушки оценивающе и ревниво оглядывают ее, перебрасываются критическими замечаниями. Это же посягательство на их территорию! «Шарфик» скорчила недовольную гримаску. Не такая уж она и симпатичная...

Насытившийся «Горец» улыбается в тридцать два зуба. Золотая фикса ярко играет в свете ламп, и на время дает кафе восточный оттенок.

«Девушка» у стойки равнодушна как мумия. Ну, а «Бизнесмен» повторяет весь свой комплект эмоций.

Все! Нам пора, мы уходим. Спасибо тебе кафе за гостеприимство и приют! До встречи...

Любовь

Она приходит ко мне иногда, и, как правило, вечером. Всегда это ее причуда. Она заранее звонит мне на трубу, а я жду ее, слоняясь из угла в угол, и обкусываю в волнении ногти. Вот долгожданное «динь-динь», я мчусь открывать дверь, и она с порога жадно набрасывается на меня. Она пахнет весной, молодостью, страстью. Наши одежды летят в разные стороны. Мы истово занимаемся любовью, до умопомрачения и бреда. Остывая и возгораясь вновь. Уже обессилив и засыпая, мы все равно держим в объятьях друг друга. Боясь отпустить, боясь потерять.

А утром она равнодушно курит длинную тонкую сигаретку, принимает душ, одевается, и уходит. Она стоит в коридоре перед зеркалом, внимательно оглядывает себя, достает из сумочки флакон духов, пускает в себя ароматную струю. После машет мне, прохладно улыбаясь, одними наманекюрными коготками, и исчезает за дверью. Я лежу в кровати, пытаюсь уверить себя, что это был не сон. Ее волосы на подушке, отпечаток помады на бокале, пустая пачка презервативов на полу говорят мне, что все это было на самом деле. Но я уже неуверен.

У нее есть дивное свойство – оставлять после себя ощущение нереальности. Это как взмах крыла, дуновение ветра, шелест листвы, ляминорная нота, что-то такое, что ты чувствуешь, но не можешь удержать. Ты смотришь на свои руки, и не веришь, что мгновение назад в них трепыхалось ее маленькое тельце. Ты целовал ее всю, ты хотел ее съесть без остатка. Вы слышали одну единственную, сочиненную только для вас мелодию, музыку любви. Тональность! Ритм! Вы создавали вселенные и разрушали их одним только прикосновением. Она была в твоей власти, а ты в ее. Вы были в раю и в аду одновременно. Два одиночества, сплетенные вместе. Дикие и ненасытные! А может это только сон?!

Приятное чувство опустошенности и неги сменяется чувством тревоги. Но это ненадолго. Я знаю, что у нее кроме меня еще есть мужчины. Не ревную, не имею на это права; мне просто неприятно осознавать, что я не единственный в ее жизни. Знаю – она моя только тогда когда она этого хочет. Так повелось. Это игра. И это ее игра. И все равно я счастлив! В моих полуснах она моя настолько, что я пресыщаюсь ею. Хотя знаю, что скоро опять буду голоден. Буду ждать ее, жаждать ее, слушать цоканье каблучков под окнами. Я чувствую ее походку. Она! Идет!! Может это опять просто сон? Господи, не дай мне проснуться!!!

Парочка желаний

Александр Иванович Демушкин, бесхитростный, а потому, наверное, не очень удачливый человек, понуро возвращался домой. Руководство в очередной раз устроило ему взбучку.

– Ты – прораб! Да еще на таком ответственном объекте! – кричал на собрании стуча по столу кулаком красномордый потный начальник. – У тебя вчера пятнадцать мешков с цементом умыкнули, а ты ни ухом, ни рылом! У тебя же тащат все, что только можно стащить. Срочно найди виновных и накажи. Или я тебе сам накажу. Жестче надо быть! Тряпка!

Демушкин вяло соглашался. Так он и стоял там: невысокий, худощавый, белобрысый, с оттопыренными ушами и носом кнопкой. Не герой, одним словом. Вспоминая этот позор, Демушкин вздохнул. Он вошел в темный подъезд и направился к лифту. Тот, как обычно не работал. Еще раз вздохнув, Демушкин повернулся к лестнице, и тут, в углу около мусорных бачков, заметил странный отблеск. Что-то на мгновение вспыхнуло и тут же погасло. Подойдя поближе и посветив спичкой, он разглядел на полу среди зачерстневших желтоватых окурков и кусочков скорлупы странного вида сосуд. Он поднял его, повертел в руках и огляделся по сторонам. Вокруг никого не было. Подъезд оставался тихим и сумрачным, пахло кошками и жареным луком. Сосуд с виду казался медным или может даже бронзовым. «Дома разберусь, что к чему», – решил Демушкин и, взяв диковинную тару подмышку, поплелся по лестнице на шестой этаж, где он жил один в маленькой квартирке с видом на запущенную стройку.

Дома Демушкин присел на стул и стал разглядывать этот странный предмет. Сосуд был небольшой, с вытянутым горлышком, медный, грязный и судя по всему очень-очень древний. На нем виднелись какие-то рисунки и выкорябаны непонятные значки. Демушкин сходил на кухню, принес тряпку и начал старательно, как первоклассник на уроке чистописания высунув кончик языка, чистить сосуд. Потом, довольный работой, поставил посудину на стол, и залюбовался.

«Вот ведь вещь, – подумал он, – прямо произведение искусства. В старину умели делать. Антиквариат! А куда бы его поставить?» Демушкин принялся вертеть головой, осматривая свое холостяцкое жилище.

– На шкаф – не красиво, на телевизор – пошлово, – начал вслух размышлять он. – Хорошая вещь должна свое место занимать, а не пылиться где попало.

«А может его по назначению использовать? Вина туда плеснуть, в такие посудины наверняка раньше только вино и наливали, – подумалось вдруг Демушкину. – Друзья придут, а я его на стол, хоп!»

Демушкину представилось, как он водворяет на стол эту красоту, и как у гостей отвисают челюсти, а он, Демушкин, расправляет свои не очень широкие плечи и снисходительно, сверху вниз, оглядывает завистливые лица друзей. Умереть – не встать!

– Интересно, а сколько туда влезет? Пол-литра? Семьсот? – Он схватил сосуд и заглянул в узкое горлышко. Внутри все было забито какой-то коричневой не то грязью, не то глиной. Демушкин перевернул сосуд и потряс его. Крепко забито. Он поднялся, сходил за отверткой, засунул ее в горлышко и начал прочищать... Хлопок был таким, словно компания лихих гусар разом откупорила десяток бутылок с шампанским. Из сосуда повалил едкий зеленоватый дым. Демушкин уронил сосуд, попятился, зацепил ногой стул, взмахнул руками, будто собираясь поплавать на спине, и грохнулся затылком об пол. Все померкло.

Очнувшись, он не сразу понял, что лежит в своей квартире лицом вверх, раскинув в стороны руки. В глазах было темно, в голове шумело, затылок ныл. Демушкин втянул носом воздух: пахло гарью и чем-то сладковатым, похожим на восточные благовония. И тут он с ужасом

почувствовал, что в комнате находится не один. В районе кресла раздался неясный скребущий звук. Демушкин одним рывком сел и принялся озираться. Сердце бешено барабанило в груди.

Дым потихоньку рассеялся, и он увидел в дальнем углу комнаты сидящего в кресле детину. Тот, не мигая, смотрел на него и скреб огромной волосатой лапищей небритый подбородок. Демушкин шарахнулся спиной об шкаф. На стеклянной полке обиженно звякнули потревоженные бокалы.

– В-вы кто? – сдавленным голосом спросил он.

– Э, очухался-а, – вместо ответа протянул детина. Он был огромен и плечист. Голову его покрывала иссиня-черная кучерявая шевелюра, а под низким лбом протекала сплошная линия бровей. Но главной достопримечательностью великана являлся нос. На лице явно хозяйничал он. Это был огромный кавказский нос, красноватый и пористый. «Не нос, а гора, – подумал Демушкин. – Арарат». Из могучих ноздрей-пещер росли двумя жесткими кустиками волосы и плавно переходили усы. Одет детина был в красные шаровары и когда-то белую, а теперь основательно замызганную футболку с надписью «I love New York!». Он был бос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.